

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-144-150

Рецензия на книгу:
Сурикова О.Д., Толстая С.М.
«Причитанья Северного края» Е.В. Барсова:
исследования и материалы к словарю.
М.: Индрик, 2024. 696 с.

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Дата поступления статьи: 30 января 2025 г.

Дата публикации: 26 сентября 2025 г.

Для цитирования: Черванёва В.А. [Рец.]: Сурикова О.Д., Толстая С.М. «Причитанья Северного края» Е.В. Барсова: исследования и материалы к словарю. М.: Индрик, 2024. 696 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 3. С. 144–150. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-144-150

Book review:
Surikova O.D., Tolstaya S.M. “Prichitan’ya Severnogo kraja” E.V. Barsova: issledovaniya i materialy k slovaryu [“Lamentations of the Northern region” by E.V. Barsov: research and materials for the dictionary].
Moscow: Indrik, 2024. 696 p.

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Received: January 30, 2025

Date of publication: September 26, 2025

For citation: Chervaneva, V.A. (2025), [Book review]: “*Surikova O.D., Tolstaya S.M.* “Prichitan’ya Severnogo kraja” E.V. Barsova: issledovaniya

---

© Черванёва В.А., 2025

i materialy k slovaryu [“Lamentations of the Northern region” by E.V. Barsov: research and materials for the dictionary]. Moscow: Indrik, 2024. 696 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 3, pp. 144–150, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-144-150

Новая книга О.Д. Суриковой и С.М. Толстой о языке обрядовых плачей-причитаний посвящена исследованию всего лишь одного сборника – «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова. Тем не менее проблемы, затрагиваемые авторами, выходят далеко за пределы одного источника и одного фольклорного жанра – итогом изысканий стало фундаментальное описание языка северной причетной традиции с значительными выходами за пределы этой предметной области.

Несмотря на общеизвестный характер сборника Барсова и обширную практику изучения входящих в его состав текстов, учтенную авторами (см. «Материалы к библиографии “Причитаний Северного края”», приведенные на с. 663–671 книги), все же ключевые проблемы, связанные с этим компендиумом фольклорных текстов, не решены в полной мере, а к некоторым из них не было даже и подступа. О.Д. Сурикова и С.М. Толстая определили актуальность своего исследования в нескольких направлениях. Во-первых, давно назрела необходимость выявить место этих текстов в «причетной фольклорной традиции – севернорусской, общерусской и общеславянской» (с. 8), поскольку плачи сборника заметно отличаются от прочих и по объему, и по качеству. Во-вторых, в массиве текстов сборника Барсова содержится множество уникальных языковых явлений, статус которых не определен, и следует выяснить, являются ли они фактами диалекта и имеют свободное употребление вне фольклорного контекста, или же они принадлежат языку фольклора и конкретно языку жанра lamentаций, или же это часть идиолекта исполнителя.

К решению двух заявленных проблем – фольклористической и лингвистической – авторы подошли системно, видя перспективы такого подхода в применении методов корпусной лингвистики. С этой целью ими были составлены полные лексические индексы памятника: словник «Причитаний Северного края», в который включены все употребляемые в текстах лексемы в начальной форме с указанием их частотности, а также прямой и обратный индексы всех словоформ в корпусе. В ходе изучения текстов и работы с лексикой авторам стала очевидна необходимость создания отдельного словаря «Причитаний Северного края», который «должен системно отражать язык севернорусской (в частности олонечкой) плачевой традиции, с одной стороны, а с другой –

являть собой реконструкцию заонежского диалекта – начиная с морфемики, заканчивая синтаксисом и лексическим составом» (с. 11). Фрагмент, или «пилотная версия», такого словаря (А–Г) приводится в третьей части рецензируемой книги – «Материалы к словарю “Причитаний Северного края”», составляющей примерно половину внушительного объема издания.

Первые две части книги представляют собой серию исследовательских очерков, посвященных поэтике и образности «Причитаний» и собственно лингвистическому анализу фонетических и грамматических явлений, присущих языку памятника. Написанные авторами в разное время в ходе работы с текстовым массивом сборника Барсова, эти очерки тем не менее производят впечатление не собрания разрозненных статей, а цельной монографии, направленной на решение общей задачи в рамках единой методологии. Первый раздел («Структура текста и мотивы “Причитаний Северного края”») состоит из десятка очерков, описывающих мотивы, образы, концепты плачей (например, «смерть и тоска», «место и время», «мужское и женское», «мир невесты», «бессчастие», образ войны и др.), а также коммуникативную и поэтическую структуру текстов. Вторая часть книги («Язык “Причитаний Северного края”») посвящена анализу памятника как лингвистического источника – изучения диалектной лексики, этимологии, отдельных лексем (например, глагола «быть» [с. 222–250]), их сочетаний (составных номинаций [с. 295–325]), отдельных грамматических явлений и категорий.

Системный подход авторов прослеживается в реконструкции фрагментов картины мира жанра причитаний в виде биномов, объединенных отношениями противопоставления и/или взаимного дополнения. Такой ракурс рассмотрения кажется органичным материалу и весьма продуктивным: в процессе анализа таким образом удалось установить, помимо описанных в научной литературе признаков концепта, целый ряд частных значений, свойственных картине мира жанра (ср.: «воля/красота» [с. 15]), а также выявить отношения между ними и иерархию смыслов (например, «сверхсмысл» (с. 42) пространства и времени в свадебных причитаниях) и обусловленность этой иерархической структуры ориентированностью текста на точку зрения невесты «как главного персонажа всей свадебной коллизии: это “ее” место и “ее” время, оцениваемые с ее точки зрения и в пространстве и времени ее жизни» (с. 42). Отмечу, что сходное явление наблюдается и в других фольклорных жанрах – так, лингвокогнитивное исследование волшебной сказки выявило обусловленность организации категорий пространства и времени в ней «героцентричностью» жанра, ориентацию всех элементов текста на перспективу

выполнения героем сказочного задания [Черванёва, Артеменко 2004], хотя, разумеется, в этом жанре речь не может идти о перспективе как точке зрения героя в тексте.

Идея «фактора исполнителя» как организующего начала текста причитания, подтвержденная и обоснованная точными и тонкими наблюдениями над языком текстов, на мой взгляд, является одним из наиболее интересных разысканий авторов книги. Действительно, вся система жанра организована именно под влиянием этого фактора: взгляд женщины делает солдата рекрутских причитаний жертвой, он обладает не «победоносной маскулинностью», а «виктимностью» (с. 104), взгляд и проекция невесты организует предметный мир свадебного причитания (с. 84–99): идеальный прелиминальный мир описывается как список вещей («отчий дом невесты – это сумма окружающих ее и дорогих ей предметов» (с. 98), и ее переход в новое состояние замужества, по сути, представляет собой «перемещение из одного “мира вещей” в другой “мир вещей”» (с. 98). Очевидно, в этом случае также отражается архаическая идея пространства, конституируемого предметами, заполненного, негомогенного [Топоров 1983, с. 229–231; и др.¹], что наследуется наивной, в том числе фольклорной картиной мира и характерно, видимо, в целом для концептуализации пространства в фольклоре.

Влияние «фактора субъекта» последовательно прослеживается в анализе категории «лишительности», описанной О.Д. Суриковой (с. 283–294), – базовой идеи причети, определяющей всю концептуальную структуру текста. Весьма интересно наблюдение исследовательницы о возрастании каритивов с увеличением количества «говорящих» субъектов, что объясняет гораздо более частотную и развернутую лексико-семантическую и грамматическую репрезентацию (конструкциями с предлогом и приставкой «без») этой категории в воинских, а не в похоронных плачах. Ср.: «...В похоронно-поминальных плачах прямая речь покойника отсутствует. В рекрутских же причитаниях “говорят” все лиминальные субъекты: и члены семьи призывника (жена, мать, сестра), и сам солдат» (с. 293–294).

Особого упоминания заслуживает исследование семантики отдельных лексем, репрезентирующих базовые концепты жанра причитаний. К образцам такого анализа относится, например, описание лексемы «бессчастье» в похоронных и рекрутских причитаниях, выполненное О.Д. Суриковой (с. 53–67). Результаты исследования, полученные на основе наблюдений над употреблением

---

¹ Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 340.

лексемы и ее дериватов в текстах причитаний, с привлечением для сопоставления обширного массива диалектного материала и данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), чрезвычайно интересны и убедительны. Так, любопытен вывод о принципиальном отличии «бес счастья» от «несчастья» – эти слова отнюдь не являются полными синонимами в языке фольклора. Понятие, обозначаемое словом «бес счастье», принадлежит к числу онтологически констант – в противоположность «несчастью», квалифицируемому как временное и изменяемое состояние: «*Бес счастья* человек рождается – и остается таковым на всю жизнь; *бес счастья* – постоянная, неизменная характеристика» (с. 67). Семантика слова обуславливает и его соответствующие грамматические свойства – у лексемы «бес счастье» отсутствует возможность образования форм множественного числа, тогда как «несчастье» такие формы имеет.

Наблюдения над функционированием лексических единиц в фольклорном тексте привели исследовательницу к мысли «о феномене фольклорного жанрового лексикона – об эксклюзивном для разных типов фольклорных текстов наборе слов, выражающих базовые и уникальные для жанра смыслы» (с. 67). Эта идея – одна из ключевых для А.Т. Хроленко, получившая отражение не только в ряде публикаций², но и в целом направлении деятельности его научной школы по созданию словарей языка различных жанров русского фольклора³. Думаю, что для адекватной и более точной интерпретации некоторых особенностей поэтики причитаний следовало бы привлечь его наработки в области семантики фольклорного слова – так, описанное О.Д. Суриковой явление нанизывания онимов в плачах («склонность к тесной группировке, нанизыванию, когда появление имени собственного в одной строке в большинстве случаев влечет за собой возникновение в следующих строках другого имени или группы других имен того же класса» [с. 183]), кажется, не является сугубой принадлежностью традиции этого жанра, как полагает автор, а проявлением описанного А.Т. Хроленко универсального свойства парадигматики устнопоэтического слова, предполагающего возможность перебора форм одной тематической парадигмы во время высказывания (а не до актуализации высказывания, как в литературном языке),

---

² См. сборник наиболее значительных его статей [Хроленко 2008] и монографии [Хроленко 1981; Хроленко 1992].

³ См. обзор периодической и серийной печатной продукции курских лингвофольклористов в настоящем выпуске журнала (Бобунова М.А. «О периодической и серийной печатной продукции курских лингвофольклористов», с. 137–143).

что обуславливает широкую вариантность лексических единиц в фольклорном тексте и их «тотальный синонимизм» [Хроленко 1992, с. 37–39].

Авторам удалось реализовать разнонаправленные векторы в исследовании. С одной стороны, анализ языковых данных осуществлен с учетом и на основе прагматики и базовой семантики жанра причитаний. С другой стороны, исследование языка памятки проведено на весьма обширном лингвистическом фоне – не только данных общенационального языка, но и общеславянского и общиндоевропейского фонда, а также данных других языковых семей. Такой подход позволил описать и выявить происхождение отдельных явлений языка «Причитаний Северного края», в частности тенденции к номинализации предикативных конструкций (ср.: *будешь летом мне носить воду – будешь летна мне водонощица* [с. 329]), которую С.М. Толстая определила как выходящую за пределы индоевропейских языков и не ограниченную исключительно поэтической традицией (с. 333). Несмотря на одножанровый источник материала, представляющий северно-русскую традицию, исследование ориентировано на весь общеславянский фонд мифологических представлений и весь жанровый состав фольклора – книга содержит ценные наблюдения и сведения о специфике концептов и отличий от содержания и реализации одноименных концептов в других жанровых пространствах (например, «смерть» в плаче и в быличке, поверье [с. 43–52]). Коммуникативная структура причитаний также рассматривается в сопоставлении с украинской и белорусской причетью, на фоне широкой славянской традиции (с. 106–141).

В целом отмечу, что книга безусловно представляет собой значительное явление в науке о языке русского фольклора и, без сомнения, будет интересна не только лингвистам, но и фольклористам в самом широком смысле этого слова, а также всем интересующимся проблемами народной культуры и устной традиции.

Литература

- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–285.
- Хроленко 1981 – *Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: ВГУ, 1981. 163 с.
- Хроленко 1992 – *Хроленко А.Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж: ВГУ, 1992. 138 с.
- Хроленко 2008 – *Хроленко А.Т.* Лингвофольклористика: Листая годы и страницы. Курск: КГУ, 2008. 229 с.

Черванёва, Артеменко 2004 – *Черванёва В.А., Артеменко Е.Б.* Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж: ВГПУ, 2004. 184 с.

Reference

- Chervaneva, V.A. and Artemenko, E.B. (2004), *Prostranstvo i vremya v fol'klorno-yazykovoi kartine mira (na materiale epicheskikh zhanrov)* [Space and time in the folklore-language picture of the world (based on epic genres)], VGPU, Voronezh, Russia.
- Khrolenko, A.T. (1981), *Poeticheskaya frazeologiya russkoi narodnoi liricheskoi pesni* [Poetic phraseology of Russian folk lyric song], VGU, Voronezh, USSR.
- Khrolenko, A.T. (1992), *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of the Folklore word], VGU, Voronezh, Russia.
- Khrolenko, A.T. (2008), *Lingvofol'kloristika. Listaya gody i stranitsy* [Linguistic and folklore study. Leafing through the years and pages], KGU, Kursk, Russia.
- Toporov, V.N. (1983), “Space and text”, in Tsiv'yan, T.V., ed., *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure], Nauka, Moscow, USSR, pp. 227–285.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; *viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

ORCID ID: 0000-0003-3091-6469

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

ORCID ID: 0000-0003-3091-6469